

**Профилактика наркотизма как социальная проблема**

*Мария Мацкевич,  
Социологический Институт РАН*

Проблемы, связанные с наркотиками, как правило, рассматриваются в системе «человек – наркотики». В этой системе всякое немедицинское их употребление является однозначно негативным, что и определяет существующее в обществе базовое отношение к наркотикам. Вместе с тем, то, что уже на самом первом уровне в общей массе обращений к наркотическим средствам, в качестве негативного явления выделяются лишь факты их немедицинского употребления, свидетельствует о существующей неоднозначности отношения к наркотическим средствам.

Еще больше возрастает эта неоднозначность тогда, когда социальную классификацию наркотических средств мы пытаемся приравнять к медицинской или химической. Хотя это и не принято акцентировать, но с медицинской точки зрения алкоголь и его производные является лишь одним из многочисленных видов наркотических средств. Но если в отношении алкогольных напитков в нашей культуре «употребление» явно не тождественно «злоупотреблению» ими, то по отношению к остальным видам наркотических средств эти понятия отождествляются.

Следует различать борьбу с собственно наркоманией, осуществляемую, главным образом, органами здравоохранения; борьбу с нелегальным производством и распространением наркотиков, реализуемую силовыми структурами; и **профилактику** наркотизма, осуществляемую на этапе формирования ценностно-нормативных структур личности (ее социализации) не только в семье, но и при участии соответствующих социальных систем и организаций просвещения и образования.

Однако, как и прежде, на государственном уровне приоритет решения проблемы наркотизма и наркомании отдается правоохранительным и медицинским органам, чьи способы реагирования обычно не выходят за рамки карательных и принудительных мер. При этом собственно профилактике наркомании отводится второстепенное место. На попытки силового решения этой проблемы у нас уходит львиная доля всех ресурсов выделяемых обществом на противостояние наркотикам, а сколько-нибудь надежная информация о реальных масштабах наркотизма в стране по-прежнему отсутствует.

Преодоление сложившейся ситуации невозможно без достоверной информации о социальных координатах наркотизма и, в первую очередь, масштабах и динамике молодежного наркотизма. Информации, аналогичной той, которую свыше четверти века обеспечивает в США общенациональный проект "Мониторинг Будущего" (Monitoring the Future Study). В рамках этого мониторинга, ежегодно опрашивается около 45 тысяч учащихся старших классов более полутысячи школ по всей стране, что и позволяет иметь постоянную информацию об этих важнейших характеристиках социального благополучия американского общества.

В настоящее время в России для оценки общей **численности** актуальных потребителей и в частности численности наиболее опасных наркотиков в целом по стране и в отдельных ее регионах в различных источниках и официальных документах предлагаются показатели, многократно различающиеся между собой, что не может не вызывать сомнений в их достоверности. Внимательные наблюдатели постоянно сталкиваются с манипулированием показателями распространения наркомании. По разным оценкам, официальные данные занижены от 5 до 20 раз. Еще менее достоверны приводящиеся в различных документах

показатели *динамики численности* потребителей различных наркотиков, которые можно определить лишь как весьма противоречивые догадки.

Как свидетельствуют данные Центра изучения и прогнозирования социальных процессов, в ходе репрезентативного опроса (методом уличных интервью) жителей Петербурга), 81,5% жителей Петербурга "никогда не пробовали" наркотических веществ в немедицинских целях. Остальные - **18,5%** - обнаружили ту или иную степень причастности к опыту применения наркотиков<sup>1</sup>. Однако само по себе знакомство со вкусом какого-нибудь наркотического средства не может служить основанием для отнесения человека к наркозависимым и уж тем более к наркоманам. От трети до половины общего числа знакомых с наркотическими средствами составляют те, чье знакомство с ними ограничено одним-двумя случайными эпизодами. Иначе говоря, те, в чьей жизни наркотики действительно *занимали или занимают* сколько-нибудь заметное место, составляют лишь около половины, в худшем случае – до двух третей общей численности тех, кто хотя бы однажды имел опыт их применения. В свою очередь, *актуальные* потребители наркотических средств (т.е. те, кто прибегают к ним с той или иной регулярностью и в настоящее время) составляют лишь около половины всех их *неслучайных* (неоднократных) потребителей и примерно четвертую часть всех когда-либо пробовавших наркотики в немедицинских целях. Именно эта четверть (максимум - треть) всей совокупности имеющих опыт пользования наркотическими веществами обозначает степень действительного поражения, которое наносят наркотики обществу в настоящее время.

Особо отметим, что, вопреки широко распространяемой версии о крайней сложности (почти невозможности) отказа от наркотиков (выхода из наркотической зависимости) после их относительно регулярного (многократного) употребления, не менее половины общей численности всех *неслучайных* потребителей наркотиков составляют бывшие относительно активные потребители, чье увлечение ушло в прошлое. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть не для того, чтобы обосновать представление о безобидности приобщения к наркотикам (чего опасаются сторонники "ослепляющей" антинаркотической пропаганды), а для того, чтобы поиск защиты от угроз активного наркотизма опирался на реальные факты, а не на картины, рожденные воображением, охваченным паническим ужасом.

Общий уровень приобщенности к наркотикам в различных социальных группах имеет свою отчетливо выраженную специфику. При общем показателе для Петербурга 18,5%, у мужчин он составил 28,5%, а у женщин - 10,5%, то есть примерно втрое меньше (в Самарской области при общем показателе 13,5%, у мужчин он составлял 22,7%, а у женщин - лишь 6,3%, т.е. почти вчетверо меньше). Подобное соотношение характерно и для наиболее приобщенного поколения. В Петербурге у мужчин в возрасте до 25 лет показатель общей приобщенности достигает 70%, тогда как у их сверстниц он находится в пределах 25-30% (в Самаре у мужчин было 43%, против 16,5% у женщин).<sup>2</sup>

Молодые люди в возрасте до 30 лет составляют около четырех пятых всех *актуальных* потребителей наркотиков, то есть тех, чей нынешний образ жизни включает в себя более или менее регулярное употребление тех или иных наркотических средств в немедицинских целях. При этом на долю тех, кто моложе 25 лет, приходится три пятых всего сообщества актуальных потребителей наркотических средств. *Около половины* этого поколения (людей моложе 25 лет) хотя бы однажды употребляли какие-либо наркотики. Этот показатель находится примерно на том же уровне, который на протяжении двадцати пяти лет ежегодно регистрируется общенациональным исследованием Monitoring the Future Study у выпускников средних школ Соединенных Штатов.

По данным сотрудников Института социальных исследований Мичиганского Университета (Ann Arbor) Ллойд Джонстона, Джералда Бекмана и Патрика О'Малли (Lloyd Johnston, Jerald Bachman, and Patrick O'Malley), осуществляющим на протяжении последних 25 лет проект "Мониторинг будущего" (Monitoring the Future Study), в рамках которого начиная с 1975 года ежегодно опрашивается примерно по 15,5 тысяч выпускников государственных и частных школ по всем Соединенным Штатам, опыт как минимум разового употребления наркотических веществ обнаруживают в каждом из таких опросов от 41% (в 1992 г.) до 65,5% (в 1981 г.) учащихся выпускных (11-12) классов<sup>3</sup>. Как видим, и эти, в высшей степени достоверные показатели (различия между двумя соседними по времени общеамериканскими измерениями не превышают 3-4%), хотя и заметно выше наших отечественных, однако, вполне сопоставимы с ними.

Данные "Мониторинга будущего", осуществляемого американскими исследователями, косвенно свидетельствуют и о невозможности стремительных изменений наркотизации. Фиксируемый ими уровень приобщенности выпускников школ к "нелегальным наркотикам" первоначально обнаруживал постепенный (на 2-3%) рост численности имеющих опыт, как минимум, разового употребления какого-либо наркотика (помимо алкоголя и табака) от 55% в 1975 году до 65,5% в 1981 году. После этого, как свидетельствуют результаты ежегодных замеров, начался почти десятилетний период устойчивого понижения уровня наркотизации американских школьников, достигшего к 1992 году минимальной за все время наблюдений отметки - 40,7%<sup>4</sup>.

В этом году был зафиксирован не только минимальный уровень общей численности хотя бы однажды употреблявших любой из нелегальных наркотиков, но и минимальное количество тех, кто употреблял их в последние 30 дней перед опросом. Среди выпускников американских школ количество таких "актуальных потребителей" в 1992 году составило лишь 14,4%<sup>5</sup>, то есть почти втрое меньше общей численности хотя бы однажды употреблявших какие-либо наркотические средства. Обратим внимание на то, что это достаточно близко к нашим отечественным пропорциям соотношения случайного и активного потребления.

Несомненный успех американского общества в борьбе с молодежным наркотизмом в дальнейшем, однако, закрепить не удалось - начался новый медленный, но неуклонный рост общей приобщенности к наркотикам выпускников американских школ. Ежегодный прирост, не превышающий 2-3%, привел к тому, что весной 1997 года численность имеющих опыт как минимум разового употребления наркотиков достигла 54,3%, т.е. поднялась за шесть лет почти на 14%<sup>6</sup>. Заметно возросло и число актуальных потребителей, достигшее в 1997 году 26,2%, что почти вдвое выше аналогичного показателя 1992 года<sup>7</sup>. До 1999 г. уровень знакомства с наркотиками колебался незначительно, достигнув в 1999 г. 54,7%. В последующие годы началось чрезвычайно медленное (от 0,1% до 0,9% в год), но все же снижение этого уровня. Наконец, в 2003 г. снижение произошло уже на 2%, и общая приобщенность составила 51,1%<sup>8</sup>. В изменении числа актуальных потребителей наблюдалась практически та же тенденция: после пика 1997 г. происходило медленное, примерно по 1% в год, снижение, и в 2003 г. это число составляло 24,1% всех выпускников школ<sup>9</sup>. Следует обратить внимание на то, что в последние десять лет среди американских старшеклассников изменилось соотношение случайного и активного потребления: начиная с 1994 г. оно стало уже не 3:1, а примерно 2:1.

В России достаточно серьезные исследования наркотизма начались лишь несколько лет назад. Как правило, такого рода работы предпринимались в отдельных регионах – там, где исследовательские коллективы смогли найти финансовую поддержку (чаще всего, это были регионы, где уровень наркотизма был достаточно

высок). И способ формирования выборки, и методика в каждом случае выбирались или создавались совершенно самостоятельно, поэтому результаты чаще всего были сопоставимы лишь условно<sup>10</sup>. В России в целом необходимо отметить исследование 2002 г., осуществленное Центром социологических исследований Министерства образования в 88 субъектах РФ на основе репрезентативной пропорциональной квотной выборки. По данным опроса 5000 подростков и молодежи в возрасте 11-24 лет, хотя бы один раз в жизни пробовали наркотики 29,8%<sup>11</sup>. Этот показатель ниже того, который был получен в Петербурге в 2000 г. Раньше мы уже высказывали предположение, что наш город, скорее всего, опережает в этом отношении развитие ситуации в стране (по данным мониторинга 2002 г., наиболее высок уровень приобщенности к наркотикам в Москве, Петербурге, Татарстане, городах Урала и Севера<sup>12</sup>). Однако возможно и другое объяснение. По некоторым экспертным оценкам, пик наркотизма был достигнут именно в 2000-2001 г.<sup>13</sup>

В России знакомство с наркотиками является по преимуществу прерогативой поколений, социализировавшихся в последние 10-15 лет, и почти не затронуло образ жизни людей, социализировавшихся в доперестроечное время. Поэтому численность тех, кто имеет в собственном опыте хотя бы однократное употребление наркотических средств, в ближайшие 5-10 лет может приблизиться к показателю степени знакомства с наркотиками нового поколения россиян, т.е. вырасти примерно вдвое. Это, однако, не тождественно общему росту активного, актуального наркотизма населения, что означает увеличение численности относительно регулярно потребляющих наркотики, а не численности ограничивающих свою связь с наркотиками несколькими случайными "дегустационными" эпизодами. Более того, не исключена такая ситуация, когда общее расширение круга знакомых с наркотиками будет сопровождаться сужением круга их постоянных (актуальных) потребителей.

Такое развитие ситуации невозможно на путях прямого запретительства, невольно романтизирующего применение наркотиков в немедицинских целях и служащего закреплению за наркотизмом функции внутригрупповой и "поколенческой" солидарности. Учет реальных обстоятельств нынешнего положения с наркотиками требует не запрета различных форм деструктивного поведения, а осознанных действий по внедрению в ценностно-нормативную систему представлений о престижности здорового образа жизни. Только такой подход, как свидетельствует опыт стран, достигших реальных результатов в борьбе с наркотизмом, позволяет добиться заметного снижения численности злоупотребляющих алкогольными напитками, курящих и употребляющих наиболее опасные для здоровья наркотики.

Наиболее критическим, представляющим особый риск при наркотических соблазнах, является период перехода от подросткового возраста к юношескому. В возрасте до 16 лет (включительно) знакомится с наркотиками практически половина всех когда-либо пробовавших их, а до 20 лет с наркотиками успевают познакомиться почти девять десятых знакомых с их вкусом. В целом, если до 20 лет человек устоял перед соблазном знакомства с миром наркотиков, то вероятность его хотя бы случайного, эпизодического знакомства с ним снижается практически на порядок.

Еще меньше в этом случае риск вовлечения человека в периодическое или регулярное потребление. Почти **четыре пятых** всех **актуальных** потребителей наркотиков (тех, чей нынешний образ жизни включает в себя более или менее регулярное употребление тех или иных наркотических средств в немедицинских целях) впервые встретились с ними в возрасте до 17 лет. В том числе, у двух третей всех **актуальных** потребителей это произошло в возрасте между 15 и 17 годами. Лишь **один из восьми** сохраняющих наркотики в своем образе жизни познакомился с ними после того, как ему исполнилось 18 лет, а познакомившихся с наркотиками

после 20 лет среди их актуальных потребителей менее 3%. При этом три четверти всех актуальных потребителей наркотических средств составляют мужчины.

С учетом этого, проблема защиты всего российского общества от угрозы наркотизма и наркомании может быть решена даже в условиях крайне ограниченных социальных ресурсов. Сделать это можно путем концентрации имеющихся средств на относительно узком социальном пространстве: общество должно приложить максимум усилий для минимизации соблазнов знакомства с наркотиками хотя бы юношей в возрасте между 14 и 17 годами. *Защитив эту относительно немногочисленную социальную группу, общество автоматически закрывает основную брешь, через которую в его жизнь вторгаются активный наркотизм и наркомания.*

При этом юноши, отвергнувшие наркотические соблазны, неизбежно изменяют ориентир "престижного поведения" для мальчиков из младших классов, стремящихся, как правило, подражать им, а значит, этим решается задача защиты не только старшеклассников, но и следующих за ними возрастных когорт. Одновременно с этим юноши, отвергнувшие наркотики, перестают провоцировать к знакомству с ними и своих сверстниц, чье знакомство и особенно вовлечение в относительно постоянное употребление наркотических средств почти никогда не обходится без того или иного "мужского участия". Таким образом, отвлечение от соблазна знакомства с наркотиками относительно немногочисленной в каждый данный момент группы юношей, обучающихся в старших классах, и их сверстников, находящихся вне стен средней школы, помогло бы защитить от активного наркотизма основную часть подрастающего поколения.

Эта закономерность означает, в частности, что защита от расширения, а в дальнейшем и существенное сокращение зоны актуального наркотизма связано не столько с малоэффективным милицейским преследованием взрослых потребителей наркотических средств, сколько с педагогическими мерами по максимальной отсрочке времени первой встречи с наркотиками. Еще в начале 70-х годов американский исследователь П.Бёрн выделял в реакциях общества на рост наркотизма четыре периода: отрицание - паника - фрагментарные действия - координация усилий различных социальных субъектов.<sup>14</sup> Естественно, до этапа определения, а тем более реализации скоординированной стратегии предотвращения роста наркотизма, мы еще пока не дошли. Но и нынешние фрагментарные усилия по предотвращению роста наркотизации общества не перевесили пока доминирующей российской реакции - панического ужаса перед надвигающейся угрозой. Он и лежит в основе нынешних упований на упрощенный государственный прогибиционизм и деятельность силовых структур. Но если периодизация, предложенная П.Бёрном, действительно отражает неизбежные этапы, которые должно пройти общество на пути к достижению некоторого уровня решения социальной проблемы наркотиков, то наш нынешний этап доминирующей паники явно затягивается.

Это тем более верно, если учесть, что социальные ресурсы, затрачиваемые в настоящее время на борьбу с актуальным наркотизмом тех, для кого наркотики уже превратились в непреодоленную (непреодоленную, а не непреодолимую) привычку, многократно превышают объем тех социальных ресурсов, которые необходимы для эффективной защиты от наркотических соблазнов относительно узкой социальной группы, которую в каждый данный момент составляют подростки в возрасте 14-16 лет. Простой подсчет показывает, что *если нижнюю границу первого знакомства с наркотическими средствами удалось бы в ближайшие годы подтянуть к порогу 16-летнего возраста, то только одно это в течение трех-четырех лет сократило бы количество актуальных потребителей наркотиков практически вдвое.*

Понятно, что осуществить такую задачу крайне сложно. Даже Соединенные Штаты, общество с устоявшейся системой ценностно-нормативных приоритетов,

ежегодно расходуемое на борьбу с наркотиками ресурсы, равные всему нынешнему российскому бюджету, не смогли пока достичь сколько-нибудь существенного понижения уровня общего и актуального наркотизма американских подростков. Еще сложнее справиться с этой задачей нашему обществу, весьма ограниченному не только в своих финансовых, но и многих других социальных ресурсах. И что гораздо важнее, обществу, которое по-прежнему находится в состоянии затянувшегося полураспада ценностно-нормативных структур прошлого и с трудом осознаваемых, слабо согласованных между собой ценностно-нормативных приоритетов, призванных обеспечить приемлемый уровень разрешения социальных проблем и предотвращения наиболее негативных тенденций.

Хотя по некоторым внешним параметрам наша отечественная ситуация в чем-то (например, в общих характеристиках масштаба) схожа с ситуациями в некоторых странах Запада, внутренние их механизмы вряд ли идентичны. Тем не менее, строить свою стратегию без учета уже существующих было бы нерационально. Тем более, что даже в рамках одного общества, как правило, реализуется не одна, а несколько взаимодополняющих стратегий (моделей). Например, в Соединенных Штатах сейчас действуют минимум три модели профилактики злоупотреблений наркотиками. Наиболее известна из них "модель спроса и предложений", направленная на параллельное снижение, как предложения, так и спроса на наркотики. Другая - модель американского Национального института по злоупотреблению наркотиками (NIDA) - исходит из того, что злоупотребление наркотическими средствами является проблемой самого человека и детерминировано низким уровнем 1) информированности, 2) образования, 3) потенциальных возможностей и 4) программ профилактики. Третья модель, предложенная Национальным институтом исследования злоупотреблений алкоголем и алкоголизма (NIAAA), обосновывает стратегию профилактики общественного здоровья, реализующую три направления: собственно человека, источники угроз и внешние условия.<sup>15</sup>

Естественно, все они ориентированы на решение проблем конкретного общества, со своими традициями и ценностно-нормативными приоритетами. В основе отечественной стратегии, как нам представляется, должно находиться ценностное вытеснение интереса к наркотикам, что подразумевает не столько разного рода запреты, малоэффективные в подростковой среде, сколько предложение широкого спектра позитивных альтернатив наркотическим ценностям. Понятно, что от этой декларации до выработки и реализации конкретных программ огромная дистанция. Если же оценивать сегодняшнюю практику борьбы нашего государства с нарастающей угрозой, то оно не столько движется к этой цели, сколько все дальше уходит от нее.

По мнению В.В.Шабалиной, комплексная профилактика наркозависимости требует решения совокупности задач, каждая из которых охватывает определенный уровень профилактики. Вкратце эти задачи можно свести к следующим: 1) не допустить инициации употребления наркотиков; 2) остановить употребление, пока не сформировалась наркотическая зависимость; 3) вылечить и реабилитировать наркозависимого; 4) поддержать ремиссию. Все эти задачи связаны друг с другом, и пренебрежение хотя бы одной из них наносит ущерб общей цели – сокращению количества злоупотребляющих наркотиками людей<sup>16</sup>.

Внешняя простота предлагаемой схемы не означает практической простоты решения проблемы наркотизма. Известно, что тот или иной социальный процесс или задача имеют возможность реализоваться лишь при наличии в обществе относительно сильного социального слоя или групп, объективно заинтересованных в этом. Однако значительная часть тех, кто в соответствии со своим функциональным статусом участвует в различных антинаркотических акциях и программах, по существу не заинтересованы в действительном отвлечении от наркотических

соблазнов большинства, а тем более, *всех* потенциальных потребителей наркотиков. Наша страна в этом отношении – не исключение. Исследователями в других странах и в другое время уже было отмечено, что «если разные ведомства разрабатывают программы, несогласованные между собой, велика вероятность, что они будут противоречить друг другу, и, более того, попытки одного ведомства могут встретить сильное сопротивление со стороны других».<sup>17</sup>

Ни нынешнее чиновничество, ни другие социальные группы, формально приставленные к защите общества от наркотических угроз, не обладают не только объективным интересом для этого, но зачастую лишены и субъективных мотивов для эффективного решения этой задачи. К тому же, как показывают специальные исследования, в профилактике наркотизма отсутствует связь между субъектами социальной политики различного уровня.

В этих условиях практически единственной социальной группой, объективно, но пока далеко не всегда субъективно, заинтересованной в защите общества от наркотиков, являются родители тех детей, над чьими головами нависает эта угроза. Именно эта социальная группа, в каждый данный момент включающая в себя наиболее активную часть общества, потенциально способна сделать своими союзниками большинство других социальных групп и подчинить своему интересу все общество, а вместе с тем и государство, выражающее по преимуществу интересы персонифицирующих его чиновников. Однако между объективным интересом и его субъективным осознанием существует определенная дистанция, преодоление которой требует известных усилий. Пока же результаты различных исследований, посвященных осознанию родителями проблем, связанных с наркотиками, показывают, что взрослые члены семьи нередко стараются (сознательно или нет) дистанцироваться от названных проблем и не участвовать в их конструктивном разрешении, предоставив заниматься этим любым социальным институтам общества.

<sup>1</sup> Кесельман Л.Е. Мацкевич М.Г. Социальное пространство наркотизма.. - СПб.: Медицинская пресса, 2001, с.25.

<sup>2</sup> Там же, сс. 39,40, 44.

<sup>3</sup> Johnston, L.D., O'Malley, P.M. & Bachman, J.G. National Survey results on drug use from the Monitoring the Future Study, 1975-1997. Ann Arbor, MI: Institute for Social Research, 1998, p.94; Они же: Release on Drug Use, 2000. Они же: Release on Drug Use, 2003. \www.monitoringthefuture.org.

<sup>4</sup> Johnston, L.D., O'Malley, P.M. & Bachman, J.G. National Survey results on drug use from the Monitoring the Future Study, 1975-1997. Ann Arbor, MI: Institute for Social Research, 1998, p.94 \www.monitoringthefuture.org.

<sup>5</sup> Ibid. P.97.

<sup>6</sup> Release on Drug Use, 2003. Table 4. \www.monitoringthefuture.org.

<sup>7</sup> Ibid. Table 2.

<sup>8</sup> Ibid. Table 1.

<sup>9</sup> Ibid. Table 2.

<sup>10</sup> См., например: Силласте Г.Г. Новая наркоситуация в России //Социологические исследования, 1994, №6; Гилинский Я.И. Девиантное поведение в Санкт-Петербурге: на фоне российской действительности эпохи перестройки // Мир России, 1995, N2, с.118-131; Астахов М.В., Вершина С.В. и др. Молодежь Самарской области в 1996 г. – Самарский областной фонд социальных исследований, 1997; Подростки в северном городе. – Екатеринбург-Надым: Институт экономики УрО РАН и др., 1997. – Изд-во «СВ-96»; Кондратьева О.Ю. Наркотизация в России - шаг до национальной катастрофы // Социологические исследования, 1998, №8, с. 65-68.

<sup>11</sup> Шереги Ф., Арефьев А. Наркоситуация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика. – М.: Изд. Дом «Генжер», 2003. С.61.

<sup>12</sup> Там же, сс. 62-63.

<sup>13</sup> Известия, 19 мая 2004 г., с.3.

<sup>14</sup> Bourne P.G. Approaches to drug abuse prevention and treatment to rural areas // Journal of Psychedelic Drugs, 1974 6(2). P. 285-289.

<sup>15</sup> Шабалина В.В. Психология зависимого поведения. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2004, с 177 .

<sup>16</sup> Шабалина В.В. Зависимое поведение школьников. - СПб.: Медицинская пресса, 2001, с 40.

<sup>17</sup> Grant M. & Ritson B. Alcohol: The prevention debate. New York: St.Martin's Press, 1983. Цит. по: Шабалина В.В. Зависимое поведение школьников. – СПб: Медицинская пресса, 2001, с. 39.